
БУРЯТОВЕДЕНИЕ

УДК 811.512.31' 36:398

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В БУРЯТСКОЙ ГЭСЭРИАДЕ: СИНТАКСИС И ПОЭТИКА

© *Санжеева Лариса Цырендоржиевна*

доктор филологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет

E-mail: lsanzhe@mail.ru

В статье рассматриваются синтаксические особенности и поэтика улигерных антропонимов, которые во многом определяют аксиологизм эпического ономастикона в целом. Внимание уделено функциональным характеристикам имен в эпосе о Гэсэре. Материалом для анализа послужили эпические тексты, записанные от разных сказителей: А. Васильева, П. Петрова, П. Дмитриева, М. Имегенова, П. Тушемилова. Отмечается символизм эпических имен, который проявляется в том, что они несут в себе определенную семантическую нагрузку, характеризуются своеобразием структуры, роли и функций в эпической картине мира. Выявлена эпитетика имен, представляющая собой единый семантический комплекс — это многословная, иерархически составленная группа слов: магическое определение + имя + титул + эпитеты к ним и т. д. Выделены и проанализированы разные группы эпических антропонимов по синтаксическим и функциональным параметрам, аксиологическим характеристикам.

Ключевые слова: этнический менталитет, бурятская Гэсэриада, эпическая образность, эпические онимы, антропонимы, синтаксис, поэтика, аксиологические характеристики, символизм имен собственных.

Произведения фольклора и в особенности его основополагающий жанр — героический эпос на протяжении тысячелетней истории служили своего рода сводом знаний, благодаря которому каждое новое поколение получало представление о предшественниках, их жизненных, духовных ориентирах, взаимоотношениях с окружающим миром. В бурятской Гэсэриаде многое символично, в том числе и эпические имена, которые несут в себе определенную семантическую нагрузку. Они придают улигерам особую приподнятость, возвышенную тональность и предстают в качестве неких стилевых единиц описания образа мира, мировосприятия древних предков бурят.

Выбор эпических имен глубоко мотивирован: имена «рисуют» эпическое событие, расставляются по ходу развертывания эпизодов. И эта искусная расстановка улигерных имен по всему эпизоду или по цепи эпизодов является, по сути, связующими линиями, скрепляющими собой картину эпического конфликта. В целом для бурятского героического эпоса, так же как и для эпоса многих тюрко-монгольских народов, характерно наличие множества имен собственных разных разрядов (эпические антропонимы, топонимы, этнонимы). Это объясняется тем, что имена выполняют важную роль в смысловой структуре эпоса. Исследование системы имен собственных в бурятском эпосе «Гэсэр» [1, 2011] позволило

выявить одну из ее особенностей — многословность онимов. Причем, как правило, именные формулы персонажей остаются таковыми на протяжении всего эпического повествования.

В статье рассматриваются синтаксические особенности и поэтика улигерных антропонимов, которые во многом определяют аксиологизм эпического ономастикона в целом. Внимание уделено функциональным характеристикам имен в эпосе о Гэсэре. Материалом для анализа послужили эпические тексты, записанные от разных сказителей: А. Васильева, П. Петрова, П. Дмитриева, М. Имегенова, П. Тушемилова.

Итак, эпические онимы имеют сложную композиционную структуру. Они написаны с прописной буквы, терминированная часть пишется чаще со строчной. Большая часть антропонимов представляют собой трехкомпонентные образования. В двухкомпонентных именах определяющая часть находится в препозиции, например: *Хара Зутан, Архан-Шудхэр, Зургаадай Мэргэн, Олзобой хубуун*. Терминированная часть, представленная следующими аппелятивами: *баабай, ибши, хатан, төөдэй, баатар, абхай, ноён, бухэ, хаан, мэргэн, дэгээ, хубуун*, — редко опускается, отсутствует эллипсис, при повторении имени чаще всего приводится весь компонентный состав онима. В трехкомпонентных структурах два первых компонента служат определением третьего, т.е. определение предшествует определяемому слову: *Буйдан-Улаан баатар, Хара-Манзан ибши, Үен-Сэсэн абхай*. Изредка встречается компонент в форме генитива: *Тэнгэрийн Тэнэгэ бухэ, Газарай Гани бухэ, Тугэишын гурбан хаашуул, Шараадай гурбан хаашуул*. Субстантив используется также в форме совместного падежа с лексическим значением «характеризующийся чем-то»: *Хабата-Гэрэл баатар, Нюхата-Нюургай хубуун, Галтай-Гоохон хатан, Шэрээм-минаата хан*. Мотивация этих имен основана на признаках, которые являются главной характеристикой героев. Процесс онимизации используемых в именовании субстантивов, как можно отметить, завершен, так как налицо краткий финальный гласный звук, а не дифтонг. Имя собственное функционирует в предложении как имя существительное, и связь с другими членами предложения осуществляется через парадигму субстантива, при этом морфологическая парадигма онима представлена его терминированной частью, а предшествующие этой части компоненты находятся в форме номинатива. Имена связываются с другими словами посредством парадигмы терминированного компонента, атрибутивные свойства компонентов-определений не сохраняются, т.к. объектив субстантивируется. Онимы-словосочетания представлены производными от однословных онимов: *Бургы Шуумар, Эрхэ Манзан, Эржэн Гоохон*. В атаппелятивных названиях представлены имена прилагательные (*Алтан Хурабша, найхан-Мэргэн, Шара Хасар*), обозначающие цвет: сагаан — белый (*Сайр-Сагаан тэнгэри*), шара — желтый (*Шара-Соохор тэнгэри*), хара — черный (*Хара-Балай тэнгэри*), драгоценные металлы и камни: алтан — золотой (*Алтан-Шагай мэргэн*), мунгэн — серебряный (*Мунгэн Хурабша абхай*), эржэн — жемчужная (*Эржэн-Гоохон абхай*), силу и мощь: хабата — могучий (*Хабата-Гэрэл баатар*).

Имена существительные в составе именовании часто представляют собой гипонимы, гиперонимы и эквонимы (термины родства в данном случае): эсэгэ — отец (*Эсэгэ-Малаан баабай*), төөдэй — бабушка (*Манзан-Гурмэ тоодэй*), ха-

тан — супруга (*Гэрэ-Сэсэн хатан*), абхай — сестра (*Сэбэл-Гоохон абхай*), хүбүүн — сын (*Эрхэ-Монсог хүбүүн*), дэгээ — брат (младший) (*Нагаадай-Мэргэн дэгээ*). Кроме них часто встречаются существительные бухэ — силач (*Сагаан-Хасар бухэ*), мэргэн — меткий стрелок, умный человек (*Алтан-Шагай мэргэн*), хан — властитель (*Ганга-Бурэд хан*), ноен — владетельный князь (*Хан Бирууза ноён*). Они составляют терминированную часть именования, которые посредством падежных флексий связывают онимы с другими элементами предложения.

Анализ эпических имен показал, что мифологические представления бурят, определенная символика отражены в именованиях, включающих в свой состав числительные, чаще всего нечетные и обозначающие несколько лиц с одинаковой функцией или происхождением (*Эмээриэн-Гурбан тэнгэришуул*, *Тугэшийн гурбан хаашуул*). Компоненты наименования служат одним из средств создания образности. Многокомпонентные онимы чаще всего образованы на ассоциативном сопоставлении. Так, онимы создаются посредством использования таких художественных изобразительных средств, как метафора, метонимия, эпитеты, олицетворение. К последнему примыкает анимистический компонент в онимах. Встречаются онимы, образованные парными словами и повторами, а также на основе гипонимии. Представлены интересные случаи образования имен, значение которых весьма прозрачно, или о чем приходится лишь высказывать догадки и предположения. Остановимся на метафоричных онимах. В таких именах содержатся ассоциации с драгоценным камнем, цветком, такими отвлеченными понятиями, как счастье, красота, любовь, а также по цвету или функции, например: *Эржэн Гоохон абхай* — перламутрово-красивая сестра, *Сэбэл-гоохон* (современное звучание: сэбэр-гоё — парные слова) — красавица, *Саргал-ноен* — Оберегающий ноен (ноен-оберег), *Уен-Сэсэн абхай* — Умная горностай-сестра, *Наран-Дулаан тэнгэри* — Теплый как Солнце Тэнгрий, *Наран-Гоохон абхай* — Красивая как Солнце сестра, *Сайр-Сагаан тэнгэри* — Светло-белый Тэнгрий (ассоциация с рассветом), *Уняар-Хара тэнгэри* — Дымчато-черный Тэнгрий, *Шуһан-Гурбан тэнгэришуул* — Кроваво-Красные три тэнгрия (ассоциация с красным заревом), *Хайр-Хара тэнгэри* — Темный Морозный Тэнгрий, *Гал-Нурма хан* — Хан-пылающий жар, *Эрхэ-Монсог хубуун* — сын с бунчуком власти или круглый баловень, *Галтай Гоохон хатан* — Огненно-красивая жена (княгиня).

Метонимичные антропонимы также широко представлены в бурятских улигерах. В основу именования положено одно из достоинств, черт или других характеристик героя, например: *Оедол Сагаан тэнгэри* — Белошовное Небо, *Оер Сагаан тэнгэри* — Белодонное Небо, *Алтан-Хурабша абхай* — сестра «Золотой Наперсток», *Сагаан хасар бухэ* — Белолицый Силач, *Бүхэ Сагаан Мангилай* — силач «Белый Лоб» (Белолобый Силач), *Алма Мэргэн абхай* — Очень Меткая сестра.

Эпос изобилует эпитетами. Они являются также одним из средств образования имен. В основе их лежит цвет, функция, величина, внешность, черты характера, например: *Хара-Балай тэнгэришуул* — Совершенно черные Тэнгрии (предгрозовые), *Балар-Хара тэнгэришуул* — черноватые (темные) Тэнгрии (пасмурные), *Боро-Соохор тэнгэри* — Серо-пестрый Тэнгрий (с перистыми облаками), *Хара Зутан* — Черный Зутан, *Абарга Сагаан баабай* — Огромный Белый батышка, *Сэгээн Сэбдэг тэнгэри* — Голубое Ледяное Небо, *Сэсэн-Ууган хатан* —

Мудрая Старшая жена, *Шара-Соохор тэнгэришүүл* — Желто-пестрые Тэнгрии, *Боолуур Хара тэнгэри* — Шаманствующий (поющий) Черный Тэнгрий, *Абарга-Сэсэн Мангадхай* — Громадный Мудрый Мангадхай (Чудовище), *Нюхата-Нюургай хүбүүн* — Сопливый Малец, *Гайхан Мэргэн дэгээ* — Славный Удалой младший брат, *Гани Галзуу баатар* — Буйный батор.

Следует отметить, что приводимые в тексте улигеров именованя тэнгриев содержат в себе характеристику стихии, погоды, состояния воздушного пространства, атмосферы. За одним онимом порой скрываются несколько тэнгриев, указываются числа 3, 9, однако сказать точно, сколько их на самом деле наличествует под одним наименованием, иногда представляется затруднительным. Имена в данном случае связаны с функциональными характеристиками персонажей. Происходит своеобразное олицетворение стихий, что весьма типично для эпоса на ранней стадии его возникновения. В эпических онимах прослеживается большая зависимость людей от времени года, сезона, атмосферных явлений: бури, мороза, сырости, промозглости, тепла. Дождь представлен то как теплый, сильный, то как морозящий; мороз то крепкий, ледяной, то бодрящий; ветер то слабый, освежающий, то буйный; утренняя звезда, светлый рассвет, красивое зарево заката; теплое солнце, многочисленные характеристики облаков и туч: то светлые, то темные или даже черные, грязно-черные, дымчатые, пестрые, например: *Бударгы Сагаан тэнгри* — Морозящий Белый Тэнгрий, *Сэгээн-Сэбдэг тэнгри* — Голубой Ледяной Тэнгрий, *Наран-Дулаан тэнгри* — Солнечно-теплый Тэнгрий, *Ухаа-Солбон тэнгри* — Проворный Тэнгрий Утренней Звезды, *Хара-Балай тэнгэришүүл* — Черные-пречерные Тэнгрии, *Уняар-Хара тэнгэришүүл* — Маревочерные Тэнгрии, *Эмэршээн Гурбан тэнгэришүүл* — Три Тэнгрия теплового восточного Ветра. Сюда примыкают онимы, образованные на анимистической основе. Здесь присутствуют, очевидно, именованя родовых тотемов, а также просто представителей животного мира, мифологических существ, вызывающих определенные чувства и ощущения у людей: *Бургы-Шуумар* — Орел-Шуумар, *Шаазгай-Баян хан* — Богатый хан-сорока. Сорока имеет черно-белую окраску, что в интерпретации на бурятском языке означает «пестрый», последнее в свою очередь ассоциируется с богатством, плодovitостью. Неслучайно второе определение в имени этого хана «богатый». *Уен-Сэсэн абхай* — Умная сестра-горноста́й, *Архан-шудхэр* — черт, *Тэмээн-Улаан хан* — Красный хан-верблюд.

Особую группу составляют распространенные в эпосе именованя, образованные на основе парных слов: *Сэгээн Сэбдэг* — голубой, оледенелый, *Архан-Шудхэр* — черт (архаичное, мифологическое архан и обыденное, современное шудхэр), *Тумэн-Жаргалан* — большая радость, счастье, *Гани-Галзу* — бешеный, очень злой. Выделяются именованя, образованные на основе такой категории, которую можно обозначить термином «гипонимия». Термин обозначает родовидовые или видо-родовые семантические отношения: *Эсэгэ-Малан баабай*, *Эхэ-Юуран ибии*, *Манзан-Гурмэ төөдэй*, *Гэрэл Сэсэн хатан*, *Алтан-Хурабша абхай*, *Абарга-Сагаан баабай*, *Хара Манзан ибии*, *Уен-Сэсэн абхай*, *Сэсэн-Ууган хатан*, *Сэсэг-Ногоон абхай*, *Наран-Гоохон абхай*, *Нюхата-Нюургай хүбүүн*, *Нагаадай-Мэргэн дэгээ*, *Гайхан-Мэргэн дэгээ*, *Мэргэн Сэсэн дэгээ*, *Урмай-Гоохон абхай*, *Абай-Гэсэр хүбүүн*, *Алма-Мэргэн абхай*, *Галтай-Гоохон хатан*, *Эрхэ тайжа хүбүүн*. Как видно из приведенного гипонимического ряда, терминированная часть вы-

ражена здесь главным образом гипонимами. Весьма образны следующие онимы, в которых мы наблюдаем синтаксический параллелизм: *Тэнгэрийн Тэнэг бухэ* — *Газарай Гани бухэ* (Небесный силач-дурень — Земной силач-злыдень). Они как бы дополняют друг друга, подчеркивают неразрывное единство неба и земли, извечную дихотомию верх–низ, персонифицированную в лице упомянутых персонажей.

В эпическом тексте встречаются имена, семантика которых трудно поддается интерпретации. К примеру, имена *Айзай*, *Муузай*, образованные как повторы, т. е. меняется первая часть основы. *Ай* и *Зай* обозначают беду, напасть; муу также обозначает беду, плохого. Возможно, здесь имеет место семантическая аналогия между *Айзай* и *Муузай*, которые оба обозначают беду, горе. Поэтому в этом случае можно говорить о функции оберега в этих онимах. Известно, что монголы специально давали детям подобные имена, «чтобы злые духи не забрали их». В ониме *Хара-Зутан* вторая часть *Зутан*, возможно, образована от слова *зутарха*, которое имеет два значения: 1) пачкаться, загрязняться; 2) попадать в историю. Здесь можно привести аналогию с детским прозвищем Гэсэра «*Нюхата*» — сопливый, которое можно осмыслить как грязный, испачканный. Недаром высказывается мнение, что *Зутан* (*Сотон*, *Цотон*) является двойником Гэсэра [4,5]. Возможно, что он предостерегает Гэсэра о его втором отрицательном эго, которое есть у всех людей наряду с положительными качествами. Имя одного из баторов главного героя *Заса-Мэргэн*, возможно, произошло от глагола *засаха* — приводить в порядок, исправлять. Он, действительно, положительный герой, всегда приходящий на помощь Гэсэру. *Эхэ Юурэн ибши* (жена Эсэгэ-Малана) трактуется как «мать всех». *Манзан-Гурмэ төөдэй* — бабушка Манзан Гурмэ, мать Эсэгэ-Малана. Манзан — символ огня, переводится как великий, большой; гурэм (гурмэ) имеет значение «ярус». *Зөөдэй Мэргэн баатор*, возможно, происходит от слова «зөөдой» — маленький омуль, ерш. Имя *Хан Бирууза ноён*, возможно, хранит в себе название страны «Персия» или камня «бирюза», произнесенного (написанного) на фонетической основе бурятского языка.

Интерес представляет один из древних обычаев присвоения имени у бурят. В одном из улигеров Саргал-ноён решил дать имя своему вновь народившемуся племяннику, собрал стариков и старух, пригласил своих друзей-приятелей, щедро угощал их, чтобы дали имя племяннику. Но долго не могли придумать имя младенцу. Тогда пообещал он мясо величиной с шапку, масло с голову тому, кто даст имя ребенку. Вышел вперед старик с белой тростью, волосы его сквозь шапку росли, ногти его сквозь рукавицы росли, и сказал: «Раз он такой сопливый, весь измазанный пачкун, почему бы не назвать его Нюхата-Нюургай?!» Все вокруг обрадовались, одобрили его слово. Саргал-ноён тоже обрадовался, отдал в благодарность старику мясо и масло. Отрывок свидетельствует о том, какое большое значение придавалось церемонии выбора имени, было предпочтительно, чтобы имя придумал умудренный жизненным опытом человек. Перед наречением имени устраивали праздник, не всякий брался за это дело, оно считалось очень ответственным. Человека, взявшего на себя эту задачу, щедро одаривали.

Таким образом, анализ эпических имен, в частности антропонимов, в бурятской Гэсэриаде позволяет заключить, что они используются как штрихи («мазки к портрету») эпического события, как готовые клише, как условные сюжетные

ориентиры, оживляющие изображаемые таким путем координаты конфликта. Эти именные комплексы или формуляры (по терминологии В. М. Гацака) прежде всего оказываются «паспортными данными» эпического сюжета, вкрапливаются в него точками отсчета, указаниями или величинами, определяющими ход и развитие эпического события. Аксиологический потенциал эпических имен в бурятском эпосе очевиден. Они используются в эпосе и с целью определенной исторической стилизации изображения той действительности, в условиях которой веками создавался поистине народный по духу и сути эпический памятник.

Литература

1. Санжеева Л. Ц. Бурятский эпос: проблемы поэтики и стиля. — Улан-Удэ, 2011. — 240 с.
2. Санжеева Л. Ц. Система имен собственных в бурятской Гэсэриаде. — Улан-Удэ, 2006. — 150 с.
3. Хундаева Е. О., Санжеева Л. Ц. Бурятская Гэсэриада: вопросы теории поэтики, стиля // Актуальные проблемы Гэсэриады: эпический текст и этнокультурные традиции. — Улан-Удэ, 2009. — С. 181–188.
4. Хундаева Е. О. Бурятский эпос о Гэсэре: связи и поэтика. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. — 165 с.
5. Чагдуров С. Ш. Поэтика Гэсэриады. — Иркутск, 1993. — 368 с.
6. Черемисов К. М. Буряад-ород словарь = Бурятско-русский словарь: 44 000 слов / сост. К. М. Черемисов. — М., 1973. — 803 с.
7. Язык и поэтика фольклора. — Петрозаводск, 2001. — 270 с.
8. Tsydendambayev Ts. B. On the language of the Mongol and Buryat versions of the Geser epic // *Mongolian Studies*; ed. by L. Ligeti. — Budapest, 1970. — P. 565–580.

Источники:

1. Абай Гэсэр. Запись Т. М. Болдоновой от сказителя П. Тушемилова / пер., вступ. ст. и послесл. С. Ш. Чагдунова. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. — 256 с.
2. Абай Гэсэр. Запись И. Мадасона от сказителя П. Петрова / вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова; отв. ред. С. Ш. Чагдуров; АН СССР. Сиб. отд-ние. БКНИИ. — Улан-Удэ, 1960. — 315 с.
3. Абай Гэсэр Богдо хаан. Буряадай морин үльгэр / сост. С. П. Балдаев; подгот. текста: М. И. Тулохонов, Д. Д. Гомбоин; науч. ред. А. И. Уланов. РАН. Сиб. отд-ние. БИОН. — Улаан-Үдэ, 1995. — 525 с.
4. Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. Запись Ц. Жамцарано от сказителя М. Имегенова / пер. А.Б. Соктоева; Коммент.: Д. А. Бурчина, А. Б. Соктоев; ст.: М. И. Тулохонова, Д. С. Дугарова; РАН. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; РАН Сиб. отд-ние. Бурят. науч. центр. БИОН. М.: Изд-я фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — 526 с.: ил. Эпос народов Евразии.
5. Гэсэр. П. Д. Дмитриев. — Улан-Удэ, 1953. — 162 с.

PROPER NAMES IN THE BURYAT GESERIADE: SYNTAXES AND POETICS

Sanzheeva Larisa Tsyrendorzhievna

Doctor of Philology, Associate Professor,

Buryat State University

E-mail: lsanzhe@mail.ru

The paper discusses the syntactical peculiarities and poetics of uliger anthroponyms, which mainly determine the axiological content of the epic onomasticon as a whole. Attention is paid to the functional characteristics of names in the epic of Geser. The analysis is based on the epic texts written from different narrators: A. Vasiliev, P. Petrov, P. Dmitriev, M. Imegenov, P. Tushemilov. The symbolism of epic names reveals itself in the fact that they carry a certain semantic burden, are characterized by original structure, their role and functions in the epic world picture. The epithetic system of names representing a single semantic complex which is a hierarchically arranged group of words: magical definition + name + title + epithets to them, etc. is identified in the course of analysis. The author also points out different groups of epic anthroponyms according to their syntactic and functional parameters, axiological characteristics.

Keywords: ethnic mentality, Buryat Geseriade, epic imagery, epic onyms, anthroponyms, syntax, poetics, axiological characteristics, symbolism of proper names.